

тра. Серия 1905 г. 1. *Осинъ Дымовъ*. Кантъ. 2. *Генр. Абсенъ*. Маленькій Энольфъ. 3. *А. Шитцлеръ*. Фарисей. 4. *С. Рафаловичъ*. Рѣка идетъ. 5. *За первый годъ*. Отчетъ о дѣятельности передвижного театра. Спб. Ц. выпуска 20 к.

Александръ Галуновъ. Веренина-этиоловъ. Москва. 185 стр. Ц. 1 р.

М. Бузылинъ. Крылья.

Эддоръ Сологубъ. „Мелкій Бѣсъ“. Изд. Шиповникъ Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Куртъ Эйсеръ. „Празднества обездоленныхъ“. Изд. Коллективистъ.

У г л е к о п ы.

Горнозаводская промышленность въ болѣе или менѣе крупномъ масштабѣ появилась въ Россіи уже давно, со временъ Іоанна Грознаго. Центромъ горнаго дѣла явилась Сибирь съ ея безконечными рудными богатствами. На безконечно-далекомъ отъ Москвы разстояніи, воеводы и служилые люди, находясь внѣ фактического контроля, хищнически эксплуатировали залежи минераловъ и металловъ, предоставляя и частнымъ лицамъ свободу разработки. Однако недостатокъ въ серебрѣ, желѣзѣ, необходимыхъ для веденія войнъ, заставилъ московскихъ царей обратить вниманіе на болѣе правильную постановку дѣла разработки нѣдръ земли, и съ этой цѣлью, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, издаются первые законоположенія, собранныя, дополненныя и разъясненныя довольно подробно такъ называемымъ Бергъ-Регламентомъ, изданнымъ въ 1739 году. Бергъ-Регламентъ, согласно мысли законодателя, имѣлъ въ виду урегулировать горное хозяйство; впервые частнымъ лицамъ хотя и предоставлялась свобода эксплуатаціи нѣдръ земли, но только при соблюденіи извѣстныхъ правилъ. Бергъ-Регламентъ охранялъ такимъ образомъ интересы казны, государства. Но, умѣряя аппетиты горнозаводчиковъ, не разрѣшая имъ хищническаго веденія эксплуатаціи нѣдръ,—какъ Петръ I, такъ и преемники его цѣлымъ рядомъ указовъ поощряли горнозаводскую промышленность, ссужая промышленниковъ деньгами, отдавая имъ бесплатно или за ничтожную плату «въ аренду» казенные заводы, предоставляя заказы на желѣзо, чугуны, колокола, пушки.

Но въ то время, какъ интересы горнозаводчиковъ тщательно оберегались,—на положеніе рабочихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ не обращалось почти никакого вниманія, такъ какъ по большей части это были каторжники, рабочіе-подневольные. Вѣроятно, по традиціи такой взглядъ и такое отношеніе къ горнымъ рабочимъ дошли почти до послѣдняго времени, т. е. до того дня, когда невыносимое положеніе повредило горнорабочихъ прибѣгнуть къ борьбѣ

за улучшение своей участи. Только тогда правительство спохватилось и стало издавать распоряжения, циркуляры и законы; о недостатках некоторых из них нам придется говорить ниже.

А между тем,—как количество горнозаводских рабочих, так равно и условия, в которых им приходится жить и работать, заслуживали бы, казалось, того, чтобы на рабов железа и угля обратили должное внимание.

В нашу задачу не входит освещение вопроса о работ и быт рабочих *всех* отраслей горнозаводской промышленности; в кратком очерке мы попытаемся дать картину работы и жизни только углекопов, этих жертв действительно каторжного труда.

Еще недавно, всего десять лет тому назад, наша горная промышленность «процветала». Усиленное железнодорожное строительство, имевшее целью, по рецепту Витте, осчастливить Россию, привлекло огромные иностранные капиталы. На безлюдных степях, где иногда лишь встрѣчались чумацкие возы, стали возникать заводы и рудники. Все они, безъ исключения, строились на удовлетворение казенных заказов. Какъ грибы послѣ дождя, появлялись заводы: иностранцевъ и русскихъ капиталистовъ прельщали ссуды, пособия, заказы, дававшие огромный доходъ, и отсутствие конкуренции со стороны заводчиковъ Западной Европы, отъ которыхъ Витте отгородился стѣною высокихъ пошлинъ. Печать и частныя лица радовались, глядя на «расцветъ» горной промышленности, а мужикъ кряхтѣлъ, отдавая послѣдніе гроши на предметъ процвѣтанія этой отечественной горной промышленности.

Но мужикъ «изсякъ»: выколотить изъ него уже ничего нельзя было, государственное казначейство опустѣло, железнодорожное строительство замѣтно сократилось, а ссуды и пособия, казенные заказы и «поощренія» перестали щедро раздаваться,—и «процветавшую» горную промышленность охватилъ кризисъ. Ничего, кромѣ краха, и нельзя было ожидать отъ промышленности, рассчитанной не на потребности населенія, а исключительно на казенные заказы и «пособія».

Открытіе заводовъ и прокладка шахтъ привлекли тысячи людей, образовавшихъ огромную армію рабочихъ. Согласно официальнымъ даннымъ *), число горнопромышленныхъ рабочихъ увеличивалось у насъ чрезвычайно быстро; на горныхъ заводахъ и промыслахъ работало:

*) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи» за 1900, 1901 и 1902 годы. Изданіе Горнаго Ученаго Комитета.

въ 1894 году	462.990	человѣкъ.
„ 1895 „	498.351	„
„ 1896 „	492.980	„
„ 1897 „	547.901	„
„ 1898 „	592.510	„
„ 1899 „	634.009	„
„ 1900 „	715.497	„

1900 годъ былъ послѣднимъ годомъ «продвѣтанія» горной промышленности. Затѣмъ число рабочихъ стало быстро падать; на горныхъ промыслахъ и заводахъ работало:

въ 1900 году	715.497	человѣкъ.
„ 1901 „	688.150	„
„ 1902 „	626.929 *)	„

Точныхъ данныхъ за послѣдующіе годы не имѣется, ибо трудно учесть количество рабочихъ при временныхъ прекращеніяхъ и сокращеніяхъ работъ, но такъ какъ «кризисъ» усиливается съ каждымъ годомъ, такъ какъ въ Донецкомъ бассейнѣ многіе рудники и заводы работаютъ крайне не регулярно,—надо думать, что число рабочихъ не превосходитъ въ настоящее время 500 тысячъ человѣкъ. Это сокращеніе числа рабочихъ оказалось и въ каменноугольной промышленности; число углекоповъ:

въ 1901 году	110.000	человѣкъ.
„ 1902 „	105.688	„

Мы не ошибемся, сказавъ, что въ 1905 г. углекоповъ въ Россіи было maximum 85 тысячъ человѣкъ; ибо по сравненію съ 1901 годомъ добыча угля въ 1905 г. сократилась на 20%.

Мѣстъ добычи угля у насъ нѣсколько; крупнѣйшими являются Донецкій и Домбровский (въ Польшѣ) бассейны. Въ первомъ добывается 65% общаго количества угля (въ 1902 г. добыто угля во всей Россіи 1.005 мил. пуд., въ Донецкомъ бассейнѣ—671 мил. пуд.) и занято почти 75% всѣхъ углекоповъ Россіи (изъ 105.688 чел. за 1902 г. въ Дон. бас.—76.031 чел.). Посмотримъ же, какъ работаетъ и живетъ эта стотысячная армія.

Помимо крупныхъ, хорошо оборудованныхъ шахтъ, существуетъ у насъ множество «шахтенокъ», принадлежащихъ мелкимъ капиталистамъ, сплошь да рядомъ—крестьянамъ. Особенно много «шахтенокъ» имѣется въ Донецкомъ бассейнѣ, но о нихъ мы говорить не будемъ: мы намерены дать картину работъ въ шахтахъ «благоустроенныхъ», оборудованныхъ «по послѣднему слову техники», предпріятіяхъ многомиллионныхъ. И пусть тогда читатель пред-

*) Ibid., за 1902 годъ.

ставить, каковы условія работы на мелких шахтахъ, гдѣ и до настоящаго времени господствуютъ еще «старые порядки».

Прежде, чѣмъ спуститься въ шахту, мы попадаемъ въ надшахтное зданіе. Грязное, закоптѣлое отъ дыма, оно наполнено людьми: къ клѣткамъ, поднимающимся снизу, одинъ за другимъ подбѣгаютъ рабочіе, берутъ вагонетки, наполненныя углемъ, и быстро катятъ ихъ по рельсамъ эстакады. Докативъ вагончикъ до опрокидывателя, который механически переворачиваетъ его, такъ что уголь летитъ внизъ, откатчикъ возвращается съ пустымъ вагончикомъ къ клѣтѣ, беретъ другую вагонетку съ углемъ и катитъ ее по рельсамъ къ опрокидывателю.

Въ серединѣ надшахтнаго зданія находится глубокой колодезь: въ него и изъ него съ ужасающей быстротой несутся клѣтки, прикрѣпленныя стальными или алойными канатами къ летучимъ подъемнымъ машинамъ, помѣщаемымъ внизу колодца. Стоящій у клѣтки рабочій (рукоятчикъ) даетъ сигналъ «люди», и машинистъ, находящійся при машинѣ, начинаетъ медленно спускать клѣтку: медленно, т. е. со скоростью 300—350 саж. въ минуту. Скорость подъема и спуска различна: «начальство» ѣдетъ медленнѣй, рабочіе и грузъ летятъ съ головокружительной быстротой. Черезъ минуту-полторы клѣтка останавливается внизу, у ствола; «стволовой» даетъ сигналъ «грузъ», и на вашихъ глазахъ «на поверхность» мчится вагончикъ съ углемъ. Во время спуска въ шахту васъ обдаетъ пронизывающая сырость: подпочвенная вода просачивается сквозь землю и летитъ на дно колодца. Стоя у ствола, можно подумать, что идетъ сильный дождь, таковъ бываетъ этотъ «капешъ».

Итакъ,—мы подъ землей, въ царствѣ угля. Передъ нами основная ось шахты, и въ глубокой темнотѣ, съ лампочками въ рукахъ, мы вступаемъ въ нее. Если въ шахтѣ имѣется гремучій газъ, то лампочки системы Дэви, «предохранительныя», если газа нѣтъ—онѣ масляныя, чадающія, вонючія.

По рельсамъ, проложеннымъ въ квершлагѣ, несутся пустые и съ углемъ вагончики, мелькаютъ огоньки лампочекъ. Вотъ вынырнула черная, полуголая фигура, сверкнули бѣлки глазъ, краткое «здравствуйте», и человѣкъ исчезъ, слившись съ темнотой. Если вы впервые въ шахтѣ,—у васъ начинается головокруженіе: жарко, душно, чадитъ, невыносимая вонь... Шахта служитъ и отхожимъ мѣстомъ, и потому убійственный воздухъ мѣста работъ доводитъ свѣжаго человѣка до обморочнаго состоянія.

Пройдя нѣсколько минутъ, мы входимъ въ основную галерею. Еще издали нашъ слухъ поражаетъ пронзительный свистъ. Онъ какъ бы влетаетъ въ квершлагъ, ударяется о потолокъ и, гремя, падаетъ на землю, наполняя шахту ужасомъ.

Узка и темна основная галерея. По проложеннымъ въ ней рельсамъ ослѣпшія отъ вѣчной темноты лошади везутъ вагончики къ квершлагу. На переднемъ вагончикѣ, съ прикрѣпленной къ го-

ковъ лампочкой, сидитъ «коногонъ», понукающій лошадь. Свѣтъ отъ лампочки очень слабъ, онъ освѣщаетъ путь всего на два-три шага, и коногонъ страшнымъ свистомъ предупреждаетъ идущихъ навстрѣчу:

— Не попадите подъ лошадь.

Мы прижимаемся къ стѣнкѣ, пропускаемъ лошадь, идемъ дальше, и съ каждой минутой все мрачнѣй и мрачнѣй дѣлается шахта, все плотнѣй и плотнѣй окутываетъ насъ темнота, охватываетъ чувство ужаса.

Мы доходимъ, наконецъ, до первой наклонной галлерей и поднимаемся въ продольный штрекъ. 13 аршинъ шириной, аршина полтора высотой штреки соединяють основную галлерей съ мѣстами работъ—«забоями». На четверенькахъ полземъ мы по продольному штреку и, наконецъ, влѣзаемъ въ забой.

Шахта разбивается на нѣсколько этажей, а каждый этажъ — на множество забоевъ, невысокихъ клѣтокъ, въ которыхъ забойщику, отбивающему уголь, нельзя выпрямиться во весь ростъ. Лежа на спинѣ, на боку, или сидя, — онъ размѣренными ударами кирки совершенно механически ломаетъ уголь. «Отгребищникъ» тутъ-же накладываетъ уголь въ ящики-«санки», и «саночникъ» спускаетъ ихъ внизъ, въ основную галлерей. Онъ ползетъ медленно, рискуя быть задавленнымъ санками, удариться о потолокъ штрека и разбить голову. Докативъ санки до основной галлерей, онъ нагружаетъ уголь въ вагонетку и опять ползетъ въ забой. А въ это время слѣпая лошадь везетъ уголь къ квершлагу, свиститъ коногонъ, и черныя тѣла сторонятся, давая дорогу «грузу».

Подъ грохотъ машинъ, подъ свистъ конононовъ и ржаніе лошадей тысячи людей на глубинѣ трехъ-четырехсотъ саженой работаютъ въ воздухѣ, отравленномъ амміакомъ, угольной пылью, чадомъ лампочекъ, ежесекундно рискуя быть затопленными водой, взорванными гремучимъ газомъ, задавленными обвалами.

Эти страшныя несчастія слишкомъ часты на нашихъ рудникахъ. Въ такихъ «случаяхъ» шахта превращается въ адъ: изъ забоевъ и штрековъ несутся крики гибнущихъ людей, галлерей стонуть и молятъ о помощи, въ безумномъ отчаяніи черныя, голыя тѣла мчатся по ходамъ, разбиваютъ головы, падаютъ, задыхаются, раздавливаются сотнями ногъ. У клѣтей, поднимающихся на поверхность, идетъ сраженіе за мѣсто, и люди превращаются въ дикихъ звѣрей... Таковы эти обычныя драмы подъ землей... Но проходитъ недѣля-другая, шахта отливается, очищается, провѣтривается, и опять гремѣть кирки, несутся свистъ кононона, да изъ забоя долетаетъ грустная пѣснь раба угля...

Понимаю людей, занятыхъ подземными работами, много имѣется рабочихъ и «на поверхности». Это, какъ мы говорили уже, — откатчики, рукоятчики, глейщики, а также цѣлый штатъ отол-

ровъ, плотниковъ и слесарей, занятыхъ въ мастерскихъ починкой кѣтей, пиленіемъ дѣса и т. д., и т. д. Самой трудной изъ всѣхъ этихъ работъ, несмотря на ея кажущуюся легкость, слѣдуетъ считать работу «глейщиковъ» (выборщиковъ). Доставляемый изъ шахтъ уголь содержитъ много примѣсей, какъ-то: кварцъ, мѣль, камень и др. Лишь немногіе рудники обзавелись сортировочными машинами, которыя выбрасываютъ примѣси; большинство-же рудниковъ «выбираютъ» уголь, т. е. очищаютъ его отъ примѣсей ручнымъ трудомъ десятковъ людей. Въ трескуі морозъ, въ палящій зной, подъ дождемъ приходится стоять, согнувшись, и медленно, одинъ за другимъ, выбрасывать куски примѣси. Къ головѣ приливаетъ кровь, дрожать ноги, какъ плети, висятъ руки, градомъ льется потъ... Надо ѣсть,—надо работать...

Какова-же продолжительность рабочаго дня углекопа и какъ оплачивается его каторжный трудъ?

На всѣхъ каменноугольныхъ рудникахъ для всѣхъ разрядовъ работъ существуетъ двѣнадцатичасовая *) рабочій день (двѣ сѣмьи въ сутки). Двѣнадцатичасовая работа — максимумъ рабочаго времени, допускаемый нашимъ горнымъ законодательствомъ для подземныхъ работъ. Въ эти двѣнадцать часовъ, согласно прим. къ статьѣ 2 отд. I «Правилъ 8 декабря 1897 года о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на горныхъ заводахъ и промыслахъ»,—входитъ и время, «употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ или копь и на подъемъ изъ оныхъ». Въ дѣйствительности-же рабочій день значительно продолжительнѣй. Благодаря установившемуся на всѣхъ рудникахъ порядку, рабочій приходитъ за три четверти или $\frac{1}{2}$ часа до гудка «къ спуску»: надо записаться у табельщика, взять свой номеръ, ждать очереди у кѣтей. То-же самое происходитъ и при поднятіи на поверхность; немудрено, что вслѣдствіе этой томительно-долгой процедуры спускъ въ шахту, работа и поднятіе занимаютъ не двѣнадцать, а тринадцать, тринадцать съ половиной часовъ въ сутки. Такимъ образомъ, какъ читатель видитъ, и сутки можно сдѣлать равными 26, 27 часамъ.

На поверхности рабочій день также равенъ двѣнадцати часамъ.

Такъ какъ работа глейщиковъ не требуетъ особой физической силы, то шахтовладѣльцы привлекли къ труду женщинъ и дѣтей, получающихъ значительно меньшую, чѣмъ мужчины, плату. Пользованіе трудомъ дѣтей регламентировано нашимъ законодательствомъ. Начиная съ 1882 года выходитъ цѣлый рядъ узаконеній, воспрепятствующихъ эксплуатацію труда дѣтей, не достигшихъ двѣнадцати лѣтъ. Малолѣтнихъ-же (отъ 12 до 15 лѣтъ) не разрѣшается до-

*) Исключеніе составляютъ лишь «бурильщики», «прокладывающіе» (прорывающіе) шахту. Имъ приходится стоять по горло въ водѣ и подвергаться опасности обвала въ любой моментъ. Эта трудная, отвѣтственная и опасная работа дѣлается 8 часовъ.

пускать къ работамъ, «которые, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ *изнурительными*» *) (Уст. Пром., ст. 111). Выборка угля безусловно относится къ числу работъ изнурительныхъ и вредныхъ для здоровья. У дѣтей, стоящихъ «на глею», замѣчается подергиваніе рукъ и головы, ломота въ поясницѣ, наконецъ, головная боль,—результатъ всякой изнурительной работы. И далѣе, законодательство наше ясно говоритъ, что нельзя заставлять дѣтей работать болѣе четырехъ часовъ кряду, въ сутки-же не болѣе восьми. А между тѣмъ, крошки въ десять-одиннадцать лѣтъ работаютъ по шести часовъ кряду (отъ 6 утра до 12 дня),—по двѣнадцати часовъ въ сутки!

Съ нѣжной юности дѣти попадаютъ въ атмосферу насилія, жестокости, разврата и гибнуть физически и морально. Жители рудниковъ могутъ сообщить не мало фактовъ изъ области «правовъ», царящихъ на шахтахъ, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что рудники кипятъ тринадцатилѣтними «жрицами любви».

Системъ заработной платы и расплаты существуетъ на рудникахъ нѣсколько. Всѣ крупныя предпріятія стараются имѣть дѣло не съ отдѣльными рабочими, а съ подрядчиками, нанимающими отъ себя углекошъ, изъ которыхъ они образуютъ артели. Обыкновенно въ артель входятъ забойщики, саночники и отгребщики. Остальные рабочіе, какъ-то: коногоны, откатчики, стволовые и др., не имѣющіе соприкосновенія съ самымъ забоемъ, получаютъ или мѣсячное жалованье, или «отъ упряжки», т. е. за число проработанныхъ смѣнъ: это такъ называемые «конторскіе» рабочіе. Ихъ заработокъ чрезвычайно незначителенъ; такъ, напримѣръ, мѣсячное жалованье коногона колеблется между двадцатью и двадцатью двумя рублями, верховыхъ и стволовыхъ—еще ниже, не превышая 20 рублей.

Лишь на немногихъ коняхъ забойщики получаютъ мѣсячный окладъ при условіи сдѣлать заданный «урокъ». Эта система оплаты труда забойщиковъ замѣнена уже почти всюду попудной и посаженной системами. Въ первомъ случаѣ количество пудовъ добытаго угля измѣряется числомъ вагонетокъ: забой № А подалъ, предположимъ, пятнадцать вагончиковъ по тридцати пудовъ въ каждомъ, итого—450 пудовъ, что составляетъ такую-то сумму.

При расплатѣ посаженной,—забой «замѣряется», т. е. по работѣ измѣряютъ длину и ширину его. Произведеніе изъ числа аршинъ длины на ширину и толщѣ пласта выразитъ число кубическихъ аршинъ добытаго угля.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рабочій обсчитывается, особенно, если онъ работаетъ въ артели «отъ подрядчика». Производится обсчетъ слѣдующимъ образомъ: при попудной платѣ, какъ

*) Курсивъ нашъ.

сказано выше, количество добытого угля считается по числу вагончиковъ. Последніе вмѣщаютъ обыкновенно 31—32 пуда, но «для удобства» считаются въ 30. Такимъ образомъ, рабочій теряетъ отъ 3—5% своего заработка.

При посаженной расplatѣ, замѣрищикъ, этотъ фаворитъ администраціи, «натягиваетъ» по вершку съ длины и ширины и этимъ путемъ обесчечиваетъ рабочаго на десятки пудовъ. И ничтожный заработокъ углекона еще болѣе уменьшается, доходя до жалкой суммы, еле достаточной, чтобы просуществовать. Какъ малъ этотъ заработокъ, можно убѣдиться на слѣдующемъ примѣрѣ.

Трудъ забойщика оплачивается лучше труда всѣхъ другихъ разрядовъ подземныхъ рабочихъ; между тѣмъ, сильный, опытный забойщикъ при хорошей платѣ не выработаетъ болѣе 1 р. 50 к. въ мѣну. Зарботокъ-же средняго забойщика не превышаетъ обыкновенно 1 р. 20, 1 р. 25 коп. въ день. Считая въ мѣсяцъ 22 рабочихъ дня (264 раб. дня въ годъ), мы видимъ, что мѣсячный заработокъ забойщика равенъ 27 р. 50 коп. (1,25×22). Слѣдовательно, не болѣющий, не «прогуливающій» и не штрафуемый аристократъ подземнаго труда зарабатываетъ всего 27 р. 50 к. Но и эта цифра взята нами для момента высокой платы, времени «расцвѣта» горной промышленности, когда ощущалась нужда въ рабочихъ рукахъ, и потому послѣдніе расцѣплялись сравнительно высоко. Въ настоящее-же время заработокъ стоитъ гораздо ниже: цѣлый рядъ изслѣдователей опредѣляетъ заработокъ забойщика въ 23—25 рублей въ мѣсяцъ.

Еще ниже расцѣпляется трудъ рабочихъ, занятыхъ на поверхности; ни въ одномъ разрядѣ онъ не превышаетъ 20 рублей, опускаясь до 7—8 рублей въ мѣсяцъ. Таковъ заработокъ малолѣтнихъ глейщиковъ, получающихъ 30—35 копѣекъ въ день.

Это ли — не безсовѣстная эксплуатація труда?

Работа въ каменноугольныхъ коняхъ, по самымъ своимъ условіямъ и характеру ея, чрезвычайно опасна: обвалы, взрывы, затопленія слишкомъ часто свидѣтельствуютъ объ этомъ.

И уже давно въ Западной Европѣ обращено самое серьезное вниманіе на эти несчастія, и предпринимаеъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы обезопасить работу. Бдительный надзоръ горной инспекціи, правильная прокладка шахтъ и правильное-же веденіе въ ней работъ значительно уменьшили число несчастій.

Къ сожалѣнію, ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ нельзя похвалиться у насъ. Возьмемъ послѣдній отчетный годъ (1902) и посмотримъ, сколько людей и отъ какихъ причинъ было убито и ранено на угольныхъ коняхъ.

	Умерло.	Поправ.	Всего.
При обращеніи со взрыв. матер.	18	74	92
Обвалы	93	1776	1869
Паденія въ выработку	23	106	129
Ушибы, обжоги т. д.	56	2743	2799
Отъ вредн. газовъ и испорч. воз.	77	27	104

Всего умерло рабочихъ—267, поправилось—4,726; на 105,688 рабочихъ—4,993 несчастныхъ случая! Почти пять процентов! Между тѣмъ, процентъ несчастныхъ случаевъ за тотъ же годъ во Франціи былъ раненъ всего двумъ.

Официальный статистическій сборникъ *) сухо замѣчаетъ: «На каждую тысячу рабочихъ, занимавшихся на каменноугольныхъ копяхъ, приходилось убитыхъ 2,52 человека, а каждые добытые 3,764.045 пудовъ угля стоили одной человѣческой жизни».

Эту цитату слѣдуетъ пополнить: «обращеніе со взрывчатыми матеріалами», обвалы, паденія въ выработку, удушеніе газами, т. е. всѣ почти случаи несчастій происходятъ въ шахтъ, слѣдовательно, надо считаться только съ подземными рабочими; тогда получится ужасающая цифра: 4993 несчастія при 76031 рабочемъ, или—6,7%! И, добавимъ, каждые 200 тысячъ пудовъ угля стоятъ одного искалѣченнаго,—«поправившагося», по официальной терминологіи.

Конечно, подчасъ не въ волѣ рудничной администраціи предупредить несчастія,—столь внезапны и, на первый взглядъ, безпричинны бываютъ послѣднія! Но все же огромное большинство несчастныхъ случаевъ должно быть отнесено на счетъ нераспорядительности и незнанія дѣла, скарედности и преступной небрежности шахтовладѣльцевъ и управляющихъ рудниками; посмотримъ же, въ чемъ выражаются эти скаредность, небрежность и пр.

Наше горное законодательство опредѣленно говоритъ, что при производствѣ подземныхъ работъ должно быть «особое лицо, ответственное за веденіе разработки» (Собр. Узакон., 441, I, ст. 13). Это лицо «должно обладать необходимыми въ горномъ искусствѣ познаніями», каковыя «удостоверяются дипломомъ на званіе горнаго инженера, аттестатомъ объ окончаніи курса въ горномъ училищѣ или горнозаводскомъ отдѣленіи промышленныхъ училищъ или свидѣтельствомъ о выдержаніи испытанія» въ особой комиссіи (Собр. Узакон., 441, I, ст. 2 и 3). И далѣе, если разработка признава опасною, то хотя-бы она и состояла въ общемъ управленіи,—на каждомъ отдѣльномъ рудникѣ «долженъ быть особый ответственный руководитель работъ» (Тамъ же, ст. 8).

Казалось бы, ясность приведенныхъ статей не подлежитъ сомнѣнію, и самыя статьи не могутъ быть истолкованы «по желанію». Между тѣмъ, въ періодъ «оживленія» горной промышленности,

*) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи» за 1902 г., стр. LX.

когда на Югѣ Россіи ощущался недостатокъ въ штейгерахъ и инженерахъ, получавшихъ министерскіе оклады, созданъ слѣдующій порядокъ вещей. Незначительныя предпріятія, желая съэкономить 200—250 рублей въ мѣсяцъ (жалованье завѣдывающихъ шахтой), —предпочитали обходиться «собственными средствами». Работы производились подъ наблюденіемъ опытнаго рабочаго—десятника, а «для закона» приглашался съ сосѣдняго рудника штейгеръ, который «бралъ отвѣтственность», т. е. получалъ нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ за подпись бумагъ, не заѣзжая въ «подвѣдомственную» шахту по недѣлямъ. Такой порядокъ былъ на руку предпринимателямъ, сокращавшимъ статью расхода, и штейгерамъ, приравненнымъ на себя нѣсколько «отвѣтственностей».

Мудрено ли, что работы подъ руководствомъ десятниковъ приводили къ несчастьямъ, что десятки людей гибли и сотни превращались въ калѣкъ? И нужно-ли говорить, что «вѣрный планъ разработки и производство работъ такъ, чтобы онѣ не представляли опасности для жизни и здоровья рабочихъ», какъ говорить объ этомъ горное законодательство, были не мыслимы, находясь подъ руководствомъ малограмотныхъ десятниковъ?

Съ другой стороны, правительственные чиновники—орудья горные инженеры, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ шахтовладѣльцами горныхъ законовъ, при всемъ своемъ желаніи, не могли-бы помочь дѣлу и услѣдить за всемъ. Горный округъ состоитъ изъ сотенъ шахтъ и шахтенокъ, десятковъ заводовъ, и на весь округъ всего лишь два человѣка: окружной инженеръ и его помощникъ. Конечно, физически невозможно справиться съ дѣломъ надзора, особенно, если принять во вниманіе, что на окружномъ горномъ инженерѣ лежитъ еще масса канцелярской работы, надзоръ за жилищами, улаженіе конфликтовъ между рабочими и предпринимателями, установленіе таксъ и т. д., и т. д...

Такимъ образомъ, по существу надзоръ за рудниками очень слабъ, и господа шахтовладѣльцы дѣлаютъ, что имъ угодно. Какъ русскіе, такъ и иностранные капиталисты, въ погонѣ за большимъ дивидендомъ, «экономятъ» на всемъ, укорачивая и сѣкущая галереи, дѣлая подъемы крутыми, отвратительно вентилируя шахты,—вплоть до неправильнаго ихъ устройства. У всѣхъ еще въ памяти катастрофа на рудникѣ Успенскаго въ 1902 году. Гибель десятковъ людей взбудоражила весь Донецкій бассейнъ, заставивъ «начальство» приступить къ тщательному разслѣдованію причины несчастія. «Разслѣдованіемъ обнаружено: водоотливныя и воздушныя машины никуда не годятся, шахта устроена неправильно и, наконецъ, она не имѣетъ... запаснаго выхода, отсутствіе котораго лишаетъ права производства работъ. Не произойди эта страшная катастрофа,—рудникъ продолжалъ бы работу и по сей день.

Въ погонѣ за сокращеніемъ расходовъ, «экономіей» на самомъ
Апрѣль. Отдѣлъ П.

необходимомъ, шахтовладѣльцы даютъ для крѣпленія забоевъ и галлерей тонкій и гнилой лѣсъ; онъ не въ состояніи противостоять давленію породы, и въ шахтахъ происходятъ обвалы... Рудничная администрація сваливаетъ, конечно, вину на самихъ рабочихъ, «этихъ животныхъ», которые и т. д., и горной инспекціи приходится довольствоваться показаніями этой администраціи, такъ какъ главные свидѣтели—рабочіе уже погибли, «наказанные за засаугамъ», какъ намъ пришлось слышать изъ устъ нѣкоего администратора, импортированнаго изъ Бельгіи...

Какъ же обезпечены пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ рабочіе и ихъ семьи? Вѣдь ежегодно число «поправившихся» и умершихъ достигаетъ солидной цифры? Посмотримъ же, какъ обстояло дѣло до 1903 года и какъ обстоитъ оно въ настоящее время.

До 1903 г., т. е. до изданія закона объ увѣчныхъ, положеніе послѣднихъ ничѣмъ не было регламентировано. Крупныя предпріятія страховали обыкновенно жизнь рабочихъ въ тысячекратную сумму ихъ дневного заработка. На мелкихъ же шахтахъ семья убитаго или увѣчному предоставлялось взыскивать съ шахтовладѣльца искомую сумму. Но и семьямъ застрахованныхъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, т. е. семьямъ рабочихъ крупныхъ предпріятій, страховыя общества не выдавали денегъ, предлагая обратиться къ помощи суда.

Начиналась волокита. Прежде всего нужно было установить, что несчастіе произошло не по винѣ рабочаго. Это—очень трудная задача, ибо всегда, какъ шахтовладѣлецъ, такъ и страховое общество могутъ согласиться на вину углекона:

— Курилъ, плохо крѣпилъ забой,—и т. д., и т. д..

Полицейскій протоколъ о несчастѣ диктуется обыкновенно предпринимателемъ, но объ этомъ ниже, когда мы будемъ говорить о роли полиціи.

Только послѣ доказательства, что несчастіе произошло не по винѣ рабочаго, судъ входилъ въ разсмотрѣніе вопроса, какую сумму причитается получить увѣчному. Принималась во вниманіе степень инвалидности, т. е. непригодности къ работѣ, заработная плата, количество времени, въ теченіе котораго рабочій пробылъ на рудникѣ, возрастъ иста и сотни другихъ обстоятельствъ.

Шли мѣсяцы, увѣчный голодалъ и въ большинствѣ случаевъ «мирился» на сотнѣ-другой, не доводя дѣла до суда, который вѣдь могъ въ искѣ и отказать.

Но три четверти увѣчныхъ попадали къ адвокатамъ по увѣчнымъ дѣламъ. Заключалось условіе, и ходатаю выдавалась довѣренность на веденіе дѣла. При заключеніи условія, «увѣчный» адвокатъ ссужалъ рабочему двадцать пять рублей «на содержаніе»;

«прось» мѣсяць давалъ еще нѣсколько рублей, не забывая, конечно, получить отъ рабочаго расписки... А когда деньги съ шахтовладельца взыскивались по суду, увѣчному представлялся счетъ, изъ котораго «явствовало», что съ рабочаго «причитается» адвокату получить: «за содержаніе», проценты на выданныя деньги, гонораръ за веденіе процесса, итого... сумму, превышающую взысканную съ шахтовладельца. Но часто «увѣчный» адвокатъ входилъ съ предпринимателемъ или страховымъ обществомъ въ сдѣлку, выступая въ благородной роли посредника... Львиная доля получаемой по соглашенію суммы попадала, конечно, въ руки безсовѣстнаго адвоката, а рабочій получалъ гроши.

Законъ 2 іюня 1903 года «О вознагражденіи потерпѣвшихъ въслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности» имѣетъ значеніе только принципиальное — признаніемъ за увѣчными и семьями убитыхъ права на обезпеченіе. Съ точки зрѣнія «права на обезпеченіе» и долженъ онъ разсматриваться. Фактически же дѣло обезпеченія инвалидов и семей пострадавшихъ осталось въ положеніи, бывшемъ и до изданія закона 2 іюня; такъ не ясно, скажемъ больше, — такъ двусмысленно формулированъ этотъ законъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — до іюньской новеллы рабочій всегда имѣлъ возможность взыскать съ промышленника извѣстную сумму, если только былъ въ состояніи доказать, что несчастіе произошло не по его (рабочаго) винѣ. Въ противномъ случаѣ, искъ оказывался несостоятельнымъ. Іюньская новелла только узаконяетъ прежній порядокъ вещей, ибо она освобождаетъ промышленниковъ отъ матеріальной отвѣтственности, когда причиной несчастія «былъ злой умыселъ или грубая неосторожность потерпѣвшаго». Врядъ-ли, конечно, найдется хотя бы одинъ шахтовладелецъ въ европейской и азіатской Россіи, который бы взялся доказывать, что рабочему стервало руки или разможило черепъ по причинѣ «злого умысла» пострадавшаго. Недѣлность первой части этой статьи закона 2 іюня слишкомъ очевидна. Но сильнымъ оружіемъ въ рукахъ угнетенныхъ промышленниковъ служить вторая часть — «грубая неосторожность».

Въ любомъ несчастномъ случаѣ можно доказать, что потерпѣвшій совершилъ «неосторожность». Нѣтъ, повторяемъ, такого несчастія, которое нельзя было бы свести къ «неосторожности», какую-бы отрасль труда мы ни взяли. А разъ виной является «неосторожность», ее всегда можно квалифицировать, какъ «грубую», согласно официальной терминологіи; степени «грубый» и «негрубый» очень трудно разграничить въ примѣненіи ихъ къ несчастнымъ случаямъ.

Наконецъ, кто является свѣдущимъ въ опредѣленіи причины несчастія? Вѣдь главные, — и по большей части единственные — свѣдѣтели, соединяющіе въ своемъ лицѣ и «свѣдущихъ» экспер-

товъ это—тѣ-же хозяева и администраторы... И потому несчастъе всегда оказывается происшедшимъ по причинѣ «грубой неосторожности» рабочихъ.

Такимъ образомъ, практическое значеніе закона 2 іюня 1903 г. ничтожно, и положеніе увѣчныхъ и семей убитыхъ осталось такимъ-же, какимъ было и до изданія закона.

По-прежнему увѣчный рабочій бьется въ крѣпкихъ рукахъ злыхъ углепромышленниковъ, безсвѣстныхъ «увѣчныхъ» адвокатовъ и не торопящихся платить деньги страховыхъ обществъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію условий, въ какихъ живутъ углекопы, намъ придется указать на роль, которую играютъ въ быту углекоповъ полицейскія власти.

Рудники находятся вдали отъ городовъ и другихъ населенныхъ пунктовъ; основываются они въ степи и уже съ теченіемъ времени образуютъ совершенно самостоятельныя населенныя мѣста. Такимъ образомъ, «надзоръ за поведеніемъ» рабочихъ со стороны властей сосѣднихъ городовъ не можетъ быть достаточно «бдительнымъ». А такъ какъ «искорененіе», «пресѣченіе» и «предупрежденіе» являются необходимыми условіями русской жизни и не могутъ обойтись безъ полиціи; такъ какъ администрація рудниковъ нуждается въ той-же полиціи для «успокоенія» углекоповъ, которые воднурются изъ-за такихъ пустяковъ, какъ обсчетъ или обмѣръ,—то правительство не замедлило милостиво даровать горнопромышленнымъ предпріятіямъ полицію.

«Расцвѣтъ» промышленности, въ частности — горной, — ознаменовался основаніемъ многихъ поселковъ, и отъ правительства требовалась большая сумма на содержаніе полиціи... Государственная шкатулка была по обыкновенію пуста, и правительство вступило съ промышленниками въ переговоры, закончившіеся къ общему удовольствію. Промышленникамъ было на-руку имѣть подчиненную имъ полицію, правительству было на-руку избавиться отъ расхода.

Результатомъ этого соглашенія, союза плети и рубля, явилось слѣдующее постановленіе: «Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется разрѣшать ходатайства общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ объ учрежденіи должностей исполнительныхъ полицейскихъ чиновниковъ въ городскихъ поселеніяхъ, съ возмѣщеніемъ на счетъ упомянутыхъ учреждений, обществъ и лицъ издержекъ казны по содержанію такихъ должностей» (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г., стр. 642).

Затѣмъ появляется цѣлый рядъ «разъясненій» въ родѣ февральскаго 1899 года: «Отводъ земли или наемъ квартиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ для чиновъ фабрично-заводской полиціи возложить на обязанность подлежащихъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и горныхъ промысловъ». Всѣ расходы по содержанію (вплоть до прокормки) поли-

ции воздаются на промышленников; послѣдніе, помимо «извѣстныхъ», платили полиціи еще «неизвѣстныя» суммы: «въ награду», «на праздники», «за усердіе», «за распорядительность» и т. д. И не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ вся фабрично-заводская полиція оказалась въ полномъ подчиненіи у промышленниковъ. Зависимая въ матеріальномъ отношеніи отъ капиталистовъ, дорожающая доходнымъ мѣстомъ, знаящая, что вліятельному промышленнику ничего не стоитъ избавиться отъ «неудобнаго» для него полиціанта,—полиція превратилась въ слугу «хозяина», въ угоду которому совершаетъ одно преступленіе за другимъ.

Достаточно рабочему намекнуть о прибавкѣ жалованья, нагрубить инженеру, наконецъ,—просто не понравится,—какъ его выгоняютъ: полицейскому уряднику (или надзирателю) «сообщаютъ», и онъ «выпроваживаетъ» углекоша. «Въ доброе, старое время», дѣлались, и теперь тоже, урядникъ выгонялъ рабочаго съ рудника въ одинъ день.

Если у рабочаго просроченъ паспортъ, а новый еще не «выправленъ», урядникъ, буде онъ получилъ инструкцію «избавиться», приглашаетъ къ себѣ углекоша,—начинается приблизительно такого рода бесѣда:

— Что-жъ это ты, с. с., по просроченному живешь!

— Не выправилъ еще, ваше благородіе, двѣ недѣли назадъ писалъ въ волость...

— Немедленно убирайся отсюда, чтобы не видѣлъ я тебя больше!

— Помилуйте, ваше благородіе... День-два погодите, отецъ старается...

— Ты еще разговаривать?! Сгною!...

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько «дружескихъ» пинокъ, матерная брань и энергичное: «Сейчасъ выѣхать!».

Можете быть увѣренными,—черезъ нѣсколько часовъ углекошъ ѣдетъ уже «на родину».

Такого рода заявленіе очень выгодно для шахтовладѣльца, т. к. оно происходитъ «по предписанію» полицейскихъ властей, слѣдовательно, не влечетъ уплаты рабочему его двухнедѣльнаго заработка.

Промышленникъ умываетъ руки.

«Политику» вырываютъ на рудникахъ съ корнемъ. Горе рабочему, читающему газету! Царь и богъ рудника—полицейскій урядникъ усматриваетъ въ этомъ «крамолу» и засаживаетъ въ тюрьму.

И этотъ мелкій чиновникъ, состоящій на жалованьи у рудника, составляетъ протоколы о несчастныхъ случаяхъ, даетъ показанія на судѣ и окружному горному инженеру, рапортуетъ по начальству о всѣхъ событіяхъ рудничной жизни и даже можетъ вызвать на промыселъ войска... Огромная власть въ рукахъ ничтожнаго чело-

ства! Ниже мы будемъ говорить, какъ ею пользуются при разрешеніи, напримѣръ, квартирнаго вопроса.

Перейдемъ теперь къ послѣднему.

И въ Западной Европѣ однимъ изъ самыхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ въ жизни рабочихъ является вопросъ жилищный. Но въ Россіи этотъ вопросъ осложняется еще чисто-русскими, нашими «отечественными» причинами. Особенно остро поставленъ жилищный вопросъ въ каменноугольныхъ копяхъ.

Находясь вдали отъ населенныхъ пунктовъ, рудники, такъ сказать, не пускаютъ рабочихъ отъ себя, принуждая ихъ жить въ шахтахъ. Послѣднія находятся на землѣ, или принадлежащей шахтовладельцамъ, или арендуемой ими долгосрочно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ фактическими обладателями какъ нѣдръ, такъ и поверхности земли являются углепромышленники, и потому возведеніе на рудничной землѣ построекъ возможно лишь съ согласія администраціи предпріятія. Разрѣшая возведеніе построекъ подъ торговые помѣщенія и квартиры для торговцевъ шахтовладельцы никогда не разрѣшаютъ частнымъ лицамъ строить жилища для рабочихъ: въ квартирномъ вопросѣ рудники не допускаютъ конкуренціи съ собой. Тѣмъ самымъ шахта закабаляетъ рабочаго и лишаетъ его возможности вести борьбу съ эксплуатацией и безправіемъ.

На мелкихъ предпріятіяхъ рабочіе живутъ въ ужасныхъ помѣщеніяхъ, вырытыхъ прямо въ землѣ, тѣсныхъ, сырыхъ, вонючихъ, гдѣ снѣтъ вповалку и заражаютъ другъ-друга кожными болѣзнями, сифилисомъ, чахоткой.

На крупныхъ рудникахъ дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Для холостыхъ рабочихъ устраиваютъ такъ называемыя казармы, огромныя зданія корридорной системы: изъ корридора, раздѣляющаго каждый этажъ на двѣ симметричныя части, ведутъ двери въ отдѣльныя комнаты. «Постановленію 4 іюля 1894 года о мерахъ охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ въ горныхъ заводахъ и промыслахъ, кромѣ соляныхъ», — комнаты эти удовлетворяютъ, т. е. имѣютъ опредѣленный объемъ въ 1½ куб. саж. Но никогда не вентилируемыя, узкія, непомѣрно высокія, загаженныя плевками, окуриками, не подметаемыя, пропитанныя зловоніемъ угольной копоти, специфическаго запаха отъ углекислота, — эти комнаты-кѣлки поражаютъ своей грязью и нестерпимой вонью. Рабочему, утомленному двѣнадцатичасовой каторжной работой, положительно нѣтъ времени заняться уборкой комнаты: изнуренный, она возвращаясь съ работы, бросается на кровать и засыпаетъ тяжелымъ сномъ. Рудничныя-же помойки усиливаютъ вымытъ полъ комнаты лишь разъ въ двѣ недѣли.

Но еще хуже квартиры семейныхъ рабочихъ. Согласно предпи-

рованному выше постановленію 4 іюля 1894 года, полагается на квартиру «не менѣе 3 куб. саж. на семью, состоящую не болѣе, какъ изъ двухъ взрослыхъ членовъ и двухъ дѣтей до двѣнадцати-лѣтняго возраста; для семей же большаго состава—по расчету увеличивая на 1 куб. саж. содержаніе воздуха на каждаго взрослого и на каждыхъ двухъ дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста».

§ 3 этого постановленія гласитъ: «Подвальные помѣщенія и землянки должны быть уничтожены въ теченіе двухъ лѣтъ по вступленіи въ силу настоящихъ обязательныхъ постановленій». Съ тѣхъ поръ прошло уже двѣнадцать лѣтъ, а землянки существуютъ и до сихъ поръ во всемъ Донецкомъ бассейнѣ. И не только существуютъ, но такъ малы, что совершенно не удовлетворяютъ постановленію 4 іюля о количествѣ необходимого воздуха.

«Землянки»—это маленькіе дома, на треть и больше уходящіе въ землю, съ земляными полами (опять-таки вопреки пункту 5 постановленія 4 іюля 1894 г.), не оштукатуренными стѣнами, сырыя, темныя, низкія, объемомъ въ 5—5½ куб. саж. Въ этомъ помѣщеніи живутъ семьи, состоящія сплошь и рядомъ изъ 7—8 человекъ. Если исключить пространство, занимаемое печью и «мебелю», врядъ ли объемъ комнаты превыситъ 4 куб. саж.

Блохи, мокрицы, тараканы вылѣзаютъ изъ половъ, стѣнъ, потолка, убійственная вонь изъ примитивно-устроенныхъ, находящихся въ десяти шагахъ отхожихъ мѣстъ вызываетъ у свѣжаго человека головокруженіе.

А тутъ еще этотъ отвратительный дымъ! Рудники предоставляютъ рабочимъ уголь бесплатно. Рабочій—человѣкъ простой, ему все можно ѣсть, пить, всякой гадостью дышать; поэтому рабочимъ и даютъ «невыбранный» уголь, т. е. не очищенный отъ примѣси слѣры, кварца, земли, мѣла. Печи въ землянкахъ устроены такъ плохо, что дымъ не выходитъ черезъ трубу наружу, а наполняетъ комнату душный, вредный дымъ, которымъ приходится дышать дѣтями!

Въ такой-то «квартирѣ» живетъ человѣкъ, работающій 12 часовъ въ сутки, вдыхающій тамъ, подъ землей, копоть масляныхъ лампочекъ и угля.

И не хочется вѣрять,—а между тѣмъ это такъ!—отаратительное, хуже свиняго хлѣва, жилище прикрѣпляетъ семейнаго углекопа къ шахтѣ. Вѣдь «квартира»—собственность рудника, предоставившаго ее въ бесплатное пользованіе углекопа на время работы. Разсчитывается шахтеръ,—онъ долженъ немедленно оставить землянку. Съ какой стати рудникъ будетъ давать бесплатное помѣщеніе не работающимъ на ней людямъ?

И какъ бы ни было ничтожно жалованье семейнаго рабочаго, какъ бы его ни обсчитывали, ни обманывали,—онъ долженъ терпѣть, особенно въ зимнее время. Куда дѣться съ семьей? Не ночевать вѣдь съ женой и дѣтьми на улицѣ въ пятнадцати-градусный морозъ!

И рабочий терпѣть. Ибо, какъ только онъ «нагрубить», такъ немедленно получаетъ расчетъ, а черезъ нѣсколько часовъ идетъ: урядникъ и приказываютъ очистить квартиру.

Когда расцвѣтъ горной промышленности закончился на югѣ южныхъ ея краяхъ, тысячи углекоповъ остались безъ работы.

Замолкли заводы, приостанавливалась работа на шахтахъ, рабочий людъ выбрасывался на улицу. Быстро, въ нѣсколько недѣль, въ Донецкомъ бассейнѣ образовалась армія безработныхъ. Рудничная администрація и полицейскія власти опасались безпорядковъ. Шахтовладѣльцы, кромѣ того, рѣшили избавиться отъ расхода на отопленію и ремонту занятыхъ безработными землянокъ.

Написали «въ губернію», отсюда по начальству доложили въ Петербургъ. На рудникахъ появились казаки, и начались «маленькія недоразумѣнія». Но затѣмъ правительство рѣшило изгнать горнопромышленниковъ отъ голодныхъ людей и голоднаго бунта, который могъ возникнуть. И вышла «милость»: рабочихъ было приказано отправить на родину, туда, гдѣ и безъ нихъ умираютъ съ голоду. И довести «бесплатно»...

Голодныхъ, потерявшихъ силы и здоровье людей, усаживали въ вагоны. На платформахъ станцій, въ видѣ почетнаго караула, присутствовали казаки и полицейскіе...

Свистѣла сирена паровоза, грохотъ колесъ смѣшивался съ плачемъ и причитаніями женщинъ. Мрачная фигура углекопа грозила кому-то кулакомъ... Но поѣздъ скрывался. Отъѣздъ «на родину» прошелъ благополучно...

А въ это время служашіе рудника обходили опустѣвшія землянки и привѣщивали къ дверямъ замки...

Много горя и хлопотъ доставляетъ рабочимъ каменноугольныхъ копей и вопросъ о пищевомъ довольствіи.

На мелкихъ рудникахъ предприниматель лично торгуетъ всѣмъ необходимымъ. Рабочіе забираютъ товаръ «на книжку» по очень высокимъ цѣнамъ, а когда наступаетъ день мѣсячной или двухнедѣльной расплаты,—рабочій ничего не получаетъ, но еще сплосъ и рядомъ остается должникомъ шахтовладѣльца. Законодательство наше ничего не можетъ подѣлать съ хищниками-предпринимателями, и послѣдніе обираютъ углекоповъ до нитки.

На крупныхъ рудникахъ эксплуатація рабочихъ лавками нѣсколько слабѣе. Многія предпріятія имѣютъ такъ называемые «продовольственные» магазины, гдѣ можно приобрести предметы потребленія и вещи первой необходимости, каковы: платье, обувь, мебель и проч.,—до нѣкоторой степени универсальные магазины.

Ст. 107—121 уст. промышленности требуютъ, чтобы на «предметы потребленія въ устраниваемыхъ заводскими и промысловыми управленіями лавкахъ цѣны были» не выше, утверждаемыхъ окруж-

ными инженерами. Такимъ образомъ, на послѣднихъ (см. ст. 140, 141, 147 Уст. Пром., изд. 1893 г.) и ихъ помощниковъ возлагается «разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ». Окружные горные инженеры утверждаютъ таксы, но, не будучи въ состояніи слѣдить за соблюденіемъ ихъ, ничѣмъ не могу избавить углекоповъ отъ обирательства лавокъ. Таксу всегда очень легко обойти, не нарушая формы. Напримѣръ, пусть въ таксѣ обозначено: «фунтъ бѣлаго хлѣба перваго сорта—четыре копѣйки». Никимъ образомъ нельзя опредѣлить, что надо понимать подъ бѣлымъ хлѣбомъ; тутъ чисто субъективная оцѣнка. Далѣе—что такое, напримѣръ, «мясо перваго сорта»? Оцѣнка качества большинства предметовъ также не поддается объективному опредѣленію. И потому часто «бѣлый» хлѣбъ замѣняется сыроватой мякиной, а «первый сортъ» мяса имѣетъ подозрительный темный цвѣтъ и нѣсколько «странный» запахъ.

Можно и повысить цѣны на продукты, не обходя таксы. Позволяемъ себѣ привести примѣръ изъ ряда нарушеній таксы; его намъ пришлось наблюдать лично. Въ таксѣ было сказано: «Пачка (десять коробокъ) шведскихъ спичекъ—восемь коп.» Лавка не отпускала пачекъ, приходилось брать коробками по копѣйкѣ каждая; восемь коробокъ—восемь копѣекъ.

—А пачками не продаемъ, мало осталось спичекъ,—заявляли покупавшимъ.

Живущій не на рудникѣ, надзирающій за десятками предпріятій, окружной горный инженеръ лишень возможности услѣдить за всѣми нарушеніями таксы, изобрѣтаемыми хитроумными предпринимателями.

Рабочій, конечно, можетъ обратиться къ «окружному» съ жалобой на обирательство. Но всегда онъ окажется въ проигрышѣ. Предприниматель оправдается, а жалобщикъ немедленно будетъ представленъ къ расчету и въ 24 часа изгнанъ, какъ дерзкій и бунтующій противъ власти. Остается, значитъ, терпѣть.

Что касается частныхъ лицъ, занимающихся на рудникахъ торговлей, — они поставлены въ условія, лишающія ихъ возможности конкурировать съ рудничными лавками. Мы уже говорили, что администрація рудника, воспрещая частнымъ лицамъ постройку домовъ, квартиръ для рабочихъ, преслѣдуетъ этимъ запрещеніемъ цѣль—прикрѣпить углекоповъ къ руднику жилищемъ.

Той же политики придерживаются шахтовладельцы и въ вопросѣ продовольственномъ.

Всѣ сооруженія, возводимыя частными лицами на землѣ рудника, по истеченіи опредѣленнаго срока, переходятъ въ собственность предпріятія. Домъ, воздвигаемый подъ торговлю и квартиру для купца, долженъ, напримѣръ, перейти къ предпріятію черезъ двадцать лѣтъ, при чемъ постройка его обошлась въ 5,000 рублей. Слѣдовательно, ежегодно торговецъ уплачиваетъ руднику 250 руб. Эта сумма — представляетъ изъ себя какъ бы рентную сумму. Но

затѣмъ существуетъ и аренда, очень высокая, доходящая до тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, уплачивая руднику ежегодно огромную сумму, торговецъ волей-неволей долженъ продавать товаръ дороже рудничной лавки на 3, 4, 5, 10% — въ зависимости отъ годового оборота.

Конечно, за наличныя деньги или въ кредитъ на опредѣленную сумму углекопы берутъ изъ рудничныхъ лавокъ. Но, когда ищутъ деньги и кредитъ въ послѣднихъ, приходится обратиться къ частному торговцу, охотно отпускающему «на книжку».

А такъ какъ денегъ у углекопа почти никогда нѣтъ, такъ какъ кредитъ его въ рудничной лавкѣ ничтоженъ, — онъ всегда имѣетъ дѣло съ торговцемъ, обирающимъ своего клиента до нитки. Таковъ процессъ закупки углекопами пищевого довольствія и всѣхъ необходимыхъ вещей. Между тѣмъ, тяжелая работа требуетъ хорошаго питанія, которое могло бы возмѣстить трату организма.

Посмотримъ, сколько приходится затратить на пищу холостому рабочему. Прежде всего воспользуемся официальными разъясненіями на этотъ счетъ. Относительно питанія углекоповъ наше законодательство ничего не говоритъ, но оно регламентируетъ количество пищи для рабочихъ золотыхъ промысловъ, — рабочихъ приблизительно одного характера работъ съ углекопами. Постановленіями 16 — 23 февраля 1896 г. «О пищевомъ довольствіи рабочихъ, получающихъ по условіямъ найма пищу отъ нанимателя» для золотыхъ и платиновыхъ промысловъ полагается:

Въ мѣсяцъ:

Муки ржаной 1 п. 35 ф. по 90 к. п. *)	1 р. 69	к.
Муки пшеничной 10 фунтовъ по 4 к. ф.	—	р. 40 к.
Крупы 15 фунтовъ по 5 к. ф.	—	р. 75 к.
Масла коровьяго 1 фунтъ по 35 к. ф.	—	р. 35 к.
Сала скотскаго (топлен.) 1 ф. по 20 к. ф.	—	р. 20 к.
Соли 3 фунта по 1½ к. ф.	—	р. 4½ к.
Чая кирпичнаго не менѣе 60 зол.	—	р. 40 к.

Всего 3 р. 83½ к.

Въ день.	{	въ зимніе мѣс. 1¼ ф. . . 21 к.
Мяса свѣжаго (или соленого **)		
		въ лѣтніе мѣс. 1½ ф. . . 24 к.

Если даже считать круглый годъ только по 1¼ ф. на человѣка, — то ежемѣсячный расходъ на мясо равенъ $21 \times 30 = 6$ р. 30 к.; всего, следовательно, законодательство наше исчисляетъ мѣсячный расходъ горнаго рабочаго на еду равнымъ 3 р. 83½ к. + 6 р. 30 коп. = 10 руб. 13 коп. Сюда надо добавить еще расходъ на сахаръ (2 ф.

*) Беремъ цѣны, существующія на эти предметы въ Донецкомъ бассейнѣ.

**) На югѣ, въ Донецкомъ бассейнѣ соленое мясо углекопами не употребляется.

№ 16 коп.) = 32 коп. Итого мѣсячный расходъ на пищу равенъ 10 руб. 45 коп.

Таковы въ дѣйствительности издержки углекопа на ѣду.

Г. Пажитновъ *) принимаетъ минимальную трату углекопа, живущаго въ артели, въ:

	8 р. 20 к.
$\frac{1}{4}$ ф. чая	— р. 50 к.
Сахаръ	— р. 74 к.

Итого 9 р. 44 к.

Въ эту же сумму—отъ 9 до 10 рублей въ мѣсяцъ—оцѣниваетъ расходъ углекопа на пищу и г. Мехмандаровъ **). И, дѣйствительно, какъ данныя изслѣдователей, такъ и личные разспросы углекоповъ пишущимъ эти строки свидѣлствуютъ, что «столовники», «нахлѣбники» платятъ за столъ 9—12 руб. въ мѣсяцъ.

Теперь посмотримъ, сколько надо тратить въ мѣсяцъ на ѣду семейнымъ углекопамъ.

Принимая во вниманіе среднюю семью, т. е. состоящую изъ 5 человѣкъ (мужъ, жена, трое дѣтей), расходъ на пищу выразится суммой ***):

Рабочій	7 р. 25 к.
Жена его	5 р. 45 к.
3 дѣтей	12 р. — к.

Итого 24 р. 70 к.

Итакъ, далекое отъ изобилія питаніе должно обходиться семейному углекопу въ 24 — 25 р. Въ отдѣлѣ о заработной платѣ мы указывали, что наилучше оплачиваемый трудъ забойщика не превосходитъ 23 — 25 р. Такимъ образомъ, весь заработокъ долженъ расходоваться на пищу!

А вѣдь еще нужно одѣться, обуться, покупать массу необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей...

Предлагаемъ читателю представить себѣ положеніе коногонна ствольного, рукоятчика, откатчика, имѣющихъ семью изъ 6 — 7 душъ и получающихъ двадцатирублевое жалованіе!

Нужно ли говорить, что углекопы, стараясь свести концы съ концами, прежде всего экономятъ на пищѣ, другими словами, — вѣчно не доѣдаютъ.

Это-то хроническое недоѣданіе, отвратительныя жилища, тяже-

*) К. А. Пажитновъ, «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», книгоизд. «Новый Міръ», 1906 г.

**) В. А. Мехмандаровъ, «Заболѣваемость рабочихъ на Югѣ Россіи», Вѣстникъ Фабричнаго Законод. профессиона. гигиены, 1905 г., № 2.

***) Мы считаемъ, что семьѣ продукты и ихъ приготовленіе обходятся дешевле на 15%. Далѣе считаемъ потребленіе пищи женщиной равнымъ $\frac{3}{4}$ мужского потребленія, дѣтей—въ зависимости отъ возраста.

лая работа, вдыханіе угольной копоти, чада лампочекъ, нестерпимая жара — всё эти многочисленныя причины тяжело отражаются на здоровьи углекоповъ.

Большинство рабочихъ страдаетъ эмфиземой и соединительнотканнымъ воспаленіемъ легкихъ, бронхитомъ, глазными болѣзнями, и всё поголовно — ревматизмомъ.

Проработавшій нѣсколько лѣтъ въ шахтѣ превращается въ старика, слабосильнаго, не пригоднаго ни къ какой работѣ, — больного инвалида. Рудничныя больницы биткомъ набиты страдающими вышеперечисленными болѣзнями и ранеными.

Всасывая здоровье, силу и молодость, шахта выбрасываетъ остатки сильныхъ недавно людей. Она пожирала людей, какъ Минотавръ, и требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ: алтарь всемогущаго капитала вѣдь такъ нуждается въ людской крови!

Тяжелыя, подчасъ невыносимыя правовыя и экономическія условія, въ которыя поставлены углекопы, должны бы были, казалось, двинуть массы углекоповъ на борьбу съ полицейскимъ строемъ и хозяйскими притѣсненіями.

И дѣйствительно, уже съ давнихъ временъ въ старѣйшей горнозаводской мѣстности на Уралѣ рабочіе цѣлымъ рядомъ «бунтовъ» показали, что жизнь ихъ невыносима, и что только борьбой они могутъ добыть себѣ права.

Происходили волненія и въ Домбровскомъ, и въ Московскомъ, и въ Донецкомъ бассейнахъ, но всегда они носили характеръ стихійный и начинались «безъ плана», безъ подготовки, такъ какъ ни въ профессиональные союзы, ни, тѣмъ паче, въ партійныя организаціи рабочіе не соединены.

Отсутствіе профессиональныхъ союзовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что на Уралѣ и въ Донецкомъ бассейнахъ почти не существуетъ кадра профессиональныхъ углекоповъ. Въ Донецкомъ, напримѣръ, бассейнѣ, гдѣ добывается 65% общаго количества угля и гдѣ занято 75% общаго числа углекоповъ Россіи, кадры шахтеровъ состоятъ изъ крестьянъ центральныхъ губерній.

«Дома», «въ Рассеѣ» — земли нѣтъ. Неурожай — обычное явленіе. Голодъ и безземелье гонитъ на Донъ и на Кубань тысячи людей. Эта безконечная вереница голодныхъ людей направляется на Югъ въ глубокой увѣренности, что «тамъ» на всѣхъ хватитъ полевыхъ работъ.

Но «тамъ» и своихъ безземельныхъ, голодающихъ достаточное число. Да и слишкомъ велика «бродячая Русь»...

И вотъ начинается «отходъ». Многіе изъ заработавшихъ ничтожную сумму на сельско-хозяйственныхъ работахъ или не получившіе никакой работы, промаявшись лѣто, идутъ домой. По до-

рогъ они застряваютъ на рудникахъ и тамъ осаживаются на четыре-пять мѣсяцевъ (октябрь—февраль).

Съ наступленіемъ весны, т. е. съ началомъ марта, большинство этихъ временныхъ углекоповъ бросаетъ рудники и длинной вереницей тянется на югъ и востокъ.

Другіе, успѣвъ цѣной лишений и голодовокъ скопить нѣсколько десятковъ рублей,—уходятъ домой, «въ Рассею».

Такимъ образомъ, осѣдлыхъ углекоповъ въ Донецкомъ бассейнѣ почти нѣтъ. На это указываютъ и изслѣдователи послѣдняго времени. Г. Пажитновъ, говоря о «подвижности» рудничныхъ рабочихъ, приводитъ слѣдующій фактъ: на Кальміусо-Богодуховскихъ коняхъ «на 1,500 мѣствъ въ теченіе 1901 года уволилось 3,683 и вновь принято 3,549 человекъ» *).

Тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что «въ лѣтнее время большинство изъ нихъ (углекоповъ) уходило на полевые работы» **), такъ какъ «почти весь составъ рабочихъ на коняхъ Донецкаго бассейна состоитъ изъ пришлыхъ рабочихъ-крестьянъ центральныхъ губерній» ***).

Что углекопы юга по большей части—крестьяне, уходящіе лѣтомъ на полевые работы, можно заключить изъ того факта, что въ лѣтніе мѣсяцы, въ цѣляхъ обезпечить себя рабочими, шахтовладельцы повышаютъ заработную плату на 10—15%. Она понижается въ осенніе и зимніе мѣсяцы.

Наконецъ, мы приведемъ статистическія данныя о сравнительной продуктивности труда углекоповъ Донецкаго и Домбровскаго бассейновъ; въ послѣднемъ углекопы—профессионалы.

въ 1902 г. добыто угля	{ въ Донецкомъ бассейнѣ—671 000 тыс. пуд.
	{ „ Домбровскомъ „ —239.270 „
въ 1902 г. было занято	{ въ Донецкомъ бассейнѣ—54 229 чел.
въ подземныхъ работахъ	{ „ Домбровскомъ „ —12.375 „

Слѣдовательно, на одного подземнаго рабочаго приходилось добытаго угля:

въ Донецкомъ бассейнѣ—12 355 пудовъ.
„ Домбровскомъ „ —20.947 „

Принимая во вниманіе, что въ коняхъ Царства Польскаго рабочихъ дней больше, чѣмъ въ Россіи, на 10%, все же остается избытокъ въ 67%. Эти 67% излишней, по сравненію съ трудомъ углекопа юга, продуктивности работы шахтера Домбровскаго бассейна должны относиться за счетъ его опытности, являющейся результатомъ постоянной профессиональной работы (на углекопа Франціи приходится въ годъ свыше четырехъ тоннъ, углекопа Англіи—375—400 тоннъ и т. д.).

*) К. А. Пажитновъ, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, стр. 281.

**) Ibidem. 252.

***) Ibid., 251.

Если мы такъ подробно остановились на вопросѣ, профессиональные или временные рабочие углекопы Россіи, то только съ цѣлью разсвѣтъ существующее еще у нѣкоторыхъ мнѣніе, что углекопы, занятые въ крупныхъ капиталистическихъ предіриятіяхъ, не могутъ не быть профессиональными, если можно такъ выразиться, пролетаріями.

Итакъ, шахтеры юга и отчасти Урала—приплытые крестьяне. Естественно, что они смотрятъ на свою работу, какъ на временную, не имѣютъ въ виду прочно основаться на рудникахъ, не имѣютъ, следовательно, и тѣхъ *постоянныхъ*, однородныхъ интересовъ, которые являются цементомъ, сплачивающимъ трудящуюся массу.

Но, помимо этой причины, профессиональные союзы не могли образоваться вслѣдствіе полицейскихъ притѣсненій. Если рабочий преслѣдуется за чтеніе газетъ, если полицейскій урядникъ можетъ огнотить въ тюрьмѣ за «дерзость»,—кто будетъ помышлять объ организаціи профессиональнаго союза,—«незаконнаго сообщества»!

Почти немислимо было проникнуть къ углекопамъ и членамъ социалистическихъ партій: они «излавливались», не успѣвъ ничего сдѣлать.

Были еще причины, лишавшія рабочихъ возможности вести планомерную борьбу со своими притѣснителями. Таковы: боязнь лишиться квартиры и быть выброшеннымъ на улицу; опасеніе конкуренціи со стороны «тамбовцевъ», «пензенцевъ», «рязанцевъ» въ зимніе мѣсяцы, когда администрація рудника можетъ достать за бездѣлю любое количество рабочихъ рукъ; длинный рабочий день: до книжки ли и бесѣды, когда человекъ утомленъ и мечтаетъ только о снѣ?—И, наконецъ, невѣжество, полная тьма, въ которой презабывали крестьяне до послѣдняго времени.

Таковы главнѣйшія причины.

Но, повторяемъ, не надо думать, что такъ-таки все шло «тихо и благородно» въ царствѣ угля. Нѣтъ! То на одномъ, то на другомъ рудникѣ вспыхивали беспорядки, стихійные, дикіе, выливавшіеся въ форму грабежей, пожаровъ, убійствъ.

Масса углекоповъ—темная, неразвита, не умѣла обобщать фактовъ и явленій. Такого-то начальника не любили за грубость и жестокость, такого-то за мошенничество, такого-то за «обсчитать», «обмануть», «обмануть»... Ненавидѣли такимъ образомъ опредѣленное лицо. Но понять, что эти нагле, развратные, вороватые «хозяева», «начальники» и чины полиціи созданы общими условіями, поддерживающими порядки и въ копейхъ,—углекопы не умѣли.

Существовала лишь одна общая ненависть, ненависть глубокая, какой только можетъ быть ненависть къ шахтѣ, этому темному, «звирьному чудовищу, убивавшему и калѣчившему людей, поглощавшему здоровыхъ, выбрасывавшему мертвыхъ или ревматиковъ, чахоточныхъ, слѣпыхъ, безногихъ...

Въ праздничные дни шахтеры «гуляли»: пили, сквернословили,

дрался и въ дракъ, по пустому поводу, всаживалъ товарищу ножъ въ бокъ.

Это былъ разгулъ людей, которымъ хочется хоть на часъ забыть о той жизни, въ которой они прозябаютъ. Шесть дней углеконы работали и терпѣли, седьмой—пили и дрались.

Но, когда чаша терпѣнія переполнялась, когда обмѣръ, обсчетъ жестокое обращеніе до краевъ наполняли сердце жадой мести,—она начиналась, эта страшная месть...

Затопалялись шахты, сжигались надшахтные зданія, дома нелюбимыхъ начальниковъ и хозяевъ,—и толпа, измученная, доведенная страданіями до звѣрства, предавала разрушенію все, что могла...

За долгіе мѣсяцы мукъ, за море оскорбленій она мстила, наслаждаясь испугомъ и страданіями насильниковъ...

А потомъ являлись войска...

Начиналась звѣрская расправа... Людей засѣкали плетями, перебивали ребра ружейными прикладами, разстрѣливали...

И еще черезъ недѣлю, когда отливала вода и все приводилось въ порядокъ,—рудникъ принималъ обычный видъ: подъ землей гремѣли кирки, пыхтѣли машины, несся свистъ, гудѣла брань, а «на поверхности» шли обмѣръ, обвѣсъ, обсчетъ...

По прежнему обваливались забои, гибли люди... И по прежнему въ сердцахъ черныхъ отъ копоты людей накоплялась жажда мести...

Такого рода мѣстные волненія уже много лѣтъ охватываютъ обширныя мѣста Донецкаго бассейна, Московскаго и Урала.

Послѣдніе годы измѣнили характеръ волненій: широкимъ потокомъ хлынули на рудники газеты, листки, брошюры, появились новые люди и говорили новые слова, простые и всѣмъ понятныя. Углеконы очнулись, раскрыли глаза, уяснили себѣ «сущность» вещей и вступили въ борьбу со своими притѣснителями.

Мы закончимъ настоящій очеркъ описаніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Донецкомъ бассейнѣ прошлой осенью.

Агитація и пропаганда обѣихъ соціалистическихъ партій, чтение газетъ и брошюръ, атмосфера, насыщенная разговорами на тему: «такъ больше жить нельзя»—все это создало на югѣ боевое настроеніе. Съ мая 1905 года на рудникахъ и заводахъ, въ деревняхъ и селахъ Донецкаго бассейна начинаются митинги, на которыхъ присутствуютъ тысячи рабочихъ и крестьянъ.

Въ октябрѣ мы уже видимъ ихъ въ роли дѣйствующихъ лицъ въ борьбѣ. Въ Донецкомъ бассейнѣ мѣстные и областныя организаціи блестяще провели забастовку, въ которыхъ участвовали рабочіе всѣхъ предиріятій.

Дождавшись «конституціи», углеконы (впрочемъ, — только ли одни углеконы?) были убѣждены, что всему полицейско-обирательскому строю положенъ конецъ.

Послѣдующія событія издѣляли углекоповъ отъ назиданій де-

вѣрчивости, и начавшіяся репрессіи вызвали среди горнорабочихъ и крестьянъ Донецкаго бассейна вооруженное возстаніе...

Начался подготовительный періодъ: въ заводскихъ и рудничныхъ поселкахъ шли митинги; железнодорожныя депо, рудники и заводы избрали совѣты рабочихъ депутатовъ, и стачечные комитеты, поѣзда, разукрашенные красными флагами, перевозили отъ одной станціи къ другой делегатовъ и ораторовъ. Подъ пѣніе марсельезы, подъ громкое «ура» тысячной толпы, проходили шествія на заводы и рудники.

Цѣлыми деревнями на митинги являлись крестьяне, приводя съ собой женъ и дѣтишекъ; наиболѣе многолюдные митинги происходили на узловыхъ станціяхъ: Гришинѣ, Дебальцевѣ, Авдѣевкѣ, Ясиноватой и въ крупнѣйшемъ рудничномъ поселкѣ Горловкѣ, при станціи того же названія.

Такимъ образомъ, объявленіе всеобщей декабрьской забастовки встрѣтило Донецкій бассейнъ готовымъ къ выступленію. Непрерывно, съ утра до вечера, шли митинги, и ораторы выясняли вопросъ о «правовомъ положеніи» русскихъ гражданъ и «необходимость» борьбы за право народа.

Наконецъ, углеконы приступили къ активнымъ дѣйствіямъ. Они разоружили низшія полицейскія власти (высшія — успѣли скрыться) и закрыли казенныя винныя лавки. Среди людей, собравшихся на рудники со всѣхъ концовъ Россіи, царилъ въ эти дни изумительная дисциплина. Рабочіе сознавали, что скоро наступитъ день, когда явятся войска, потому стали формироваться боевыя дружины. Огнестрѣльнаго оружія было мало, за то у всѣхъ рабочихъ, даже не причисленныхъ къ дружинамъ, имѣлось холодное оружіе.

Одновременно съ вопросомъ о вооруженіи занялись и вопросомъ, какъ поступить, чтобы не допустить подвоза войскъ изъ Екатеринослава. Телеграфъ и железнодорожный путь находились въ рукахъ повстанцевъ, и потому послѣ долгаго совѣщанія рѣшили укрѣпить важнѣйшіе пункты. Съ этой цѣлью забаррикадировали ст. Гришино, установивъ на возвышенномъ мѣстѣ пушку, направленную дуломъ на линію желѣзной дороги. Сильно укрѣпили и ст. Авдѣевку, вооруживъ ее двумя пулеметами, которые повстанцамъ удалось перехватить.

Въ то же время шло дѣятельное обученіе дружинниковъ военному дѣлу: ежедневно происходили маневры, передвиженія отдѣльных частей, учебная стрѣльба.

Къ 16 декабря жандармы и солдаты на всѣхъ станціяхъ Екатеринославской желѣзной дороги были разоружены, мѣстныя власти частью удалены, частью сами удалились, — и весь горнозаводскій районъ подчинялся постановленіямъ комитетовъ.

При разоруженіи солдатъ, жандармовъ и полиціи надъ послѣдними не производилось насилій; только на ст. Ясиноватой было убитъ офицеръ, готовившійся стрѣлять въ рабочихъ, убитъ раба-

яреной толпой, вопреки приказанію стачечныхъ комитетовъ и со-
вѣтовъ рабочихъ депутатовъ ни надъ кѣмъ не чинить насилій.

10 декабря начались репрессіи, и въ тотъ же день было под-
нято вооруженное возстаніе, закончившееся горловскимъ боемъ.
До десяти тысячъ человѣкъ рабочихъ со всѣхъ окрестныхъ руд-
никовъ и заводовъ принимали участіе въ этомъ боѣ... Повстанцы
были разбиты, «взяты въ плѣнъ» и приведены къ присягѣ. 20 де-
кабря въ Екатеринославской губ. было введено военное положеніе,
и начались репрессіи. Въ Горловкѣ, Дебальцевѣ, Гришинѣ, по
всѣмъ станціямъ сотнями арестовывали и, безчеловѣчно избивая,
отправляли въ Таганрогъ, Луганскъ, Бахмутъ, Юзовку, тюрьмы
которыхъ переполнились.

Такъ закончилось это кровопролитное возстаніе. Нѣсколько не-
дѣль все было тихо, но уже съ февраля Донецкій бассейнъ начи-
наетъ глухо волноваться: то тутъ, то тамъ объявляются забастовки,
происходятъ столкновенія съ войсками... Съ марта на всѣхъ руд-
никахъ и заводахъ устраиваются уже митинги, и власти безсильны
ихъ разогнать...

А съ іюня Донецкій бассейнъ охватываетъ сильное стачечное
движеніе, и начинается «усмиреніе»...

Углекопы, доведенные до отчаянія, рѣшившіе лучше умереть,
чѣмъ жить въ невыносимыхъ условіяхъ, вспоминаютъ старыя
формы борьбы... И опять, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, затопляются
шахты, сжигаются зданія; рабочіе мстятъ своимъ врагамъ...

И по настоящій день идетъ эти борьбы. Привыкшіе без-
каказанно эксплуатировать и обирать рабочихъ, углепромы-
шленники, вмѣсто уступокъ шахтерамъ, обращаются къ содѣй-
ствію штыковъ и нагаекъ... Они какъ бы не желаютъ понять, что
если человѣку нельзя сносно жить, работая, онъ предпочитаетъ
умереть, сражаясь.

Когда въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ волненія углекоповъ приняли
огромные размѣры, когда войска оказались не въ силахъ усми-
рить шахтеровъ, углепромышленники, не довольствуясь введен-
нымъ въ Донецкомъ бассейнѣ военнымъ положеніемъ, поручили
совѣту съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи войти съ под-
лежащимъ «ходатайствомъ о введеніи особой охраны въ Донец-
комъ каменноугольномъ бассейнѣ» *).

О какой это «особой охранѣ» думаютъ горнопромышленники—
трудно сказать. Одно лишь ясно: успокоить людей, доведенныхъ го-
лодомъ и безправіемъ до рѣшенія умереть, врядъ ли возможно
штыками, пулеметами, нагайками и другими «средствами», къ ко-
торымъ правительство такъ охотно прибѣгаетъ до настоящаго дня.

П. Я. Рыссь.

*) «Рѣчь», № отъ 20 сентября 1906 г.

K-5350

1905

№3

78489

мартъ.

№ 3.

1905.

ВѢСТНИКЪ ФАБРИЧНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ.

1934

Подъ редакціей О. Е. Бужанскаго.

1906

735

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъячская, 39.

1905.